

ЭНДИ

КЕЙДЖ

ДЕВОЧКА И СТОЛ

Энди Кейдж

Девочка и стол

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36576467

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-97424-1

Аннотация

Взгляни туда, на прекрасную сцену, где выступали оркестры со всего мира! Видишь там одинокую девочку в красном платье, что за черным роялем играет 9-й ноктюрн Шопена? А ведь она изо всех сил старается победить в конкурсе пианистов лишь для того, чтобы исполнить мечту одержимых родителей, отнявших у нее друзей, интересы и свободу. Но стоит ли победа таких жертв, стоят ли овации детских слез? Быть может есть другой путь? Путь, который, возможно, сможешь найти ей ты.

Содержание

До	5
Дом, где всегда играла музыка	5
Правильный вопрос	8
Всегда есть «однако» или «но»	12
Ре	13
Маленькая выскочка	13
Почему люди верят?	19
Ушастик	26
Красные дьяволы	29
Ми	40
Попался!	40
Мой друг – Джек	44
Деревянные причины	54
Джек, а представь...	55
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Энди Кейдж

Девочка и стол

Посвящается девочке, которая всегда убегала.

Прошлое – мозаика, как разбитое зеркало. Когда ты собираешь его вместе – режешься, твое отражение меняется. И вместе с ним меняешься ты сам. Это может уничтожить тебя, свести с ума. Или освободить.

Сэм Лэйк¹

¹ Сэм Лэйк – финский писатель, известен как сценарист видеоигры Max Payne.

До

Дом, где всегда играла музыка

Седьмого июля в пригороде Лондона родилась девочка, которую вот-вот назовут Септима. Что на латыни значит «Седьмая». В музыкальной теории этим словом обозначают интервал шириной в семь ступеней. В математике это число называют счастливым простым числом. Не говоря уже о том, что вся музыка состоит из семи нот. Так что вы, наверно, уже догадались, кем были родители девочки – Джон и Лора Хадсоны (нет, не математиками) – и какие грандиозные надежды они на нее возлагали.

Детство Септимы было окутано семью нотами, которые разносились по всем уголкам дома пять на Мелоди-стрит, дома, где всегда играла музыка. Каждый день девочку знакомили с новыми произведениями классиков – Моцарта, Баха, Бетховена, Листа, Рахманинова... Их было много, этих композиторов, и каждый по-своему уникален. Музыка так и лилась в уши Септимы, но ее любимым произведением был знаменитый «Полет Валькирий» Рихарда Вагнера, потому что под эту музыку Джон Хадсон – ее отец, мужчина с темными густыми волосами и карими глазами, любящий наручные часы и полосатые рубашки, ныне юрист, и некогда скри-

пач, ведомый мечтой, – брал девочку на руки и дурачился, носясь по комнате как боевой самолет.

– Септи, у нас стратегически важное задание, от которого зависит судьба этого мира! Ты готова сокрушить империю зла? – говорил он, делая очередной заход над захваченным врагами диваном.

– Дя! – кричала улыбчивая девочка.

– О нет, мистер злой пульт от телевизора заметил нас, что же делать, Септи?!

* * *

Дом, где всегда играла музыка, был выполнен в белом цвете с темно-красной черепичной крышей и дверью в тех же тонах, на которой висела золотая нотка. В гостиной дома стоял большой белый рояль Steinway & Sons, с него-то и начнется эта длинная история, но чуть-чуть позже. Лора Хадсон – мать девочки, женщина со светлыми волосами и красивыми голубыми глазами, любящая японскую кухню, картины Да Винчи и усы Тома Селика, ныне риэлтор и некогда одаренная пианистка, ведомая мечтой, – любила играть на этом фортепиано по вечерам. Тем временем маленькая неугомная Септима забиралась под рояль и внимательно слушала волшебные звуки инструмента, который делал этот дом сказочным королевством грез. Девочке нравилось засыпать под фортепиано, окутанной мелодиями, как теплым одеялом.

* * *

В один редкий солнечный день, когда теплый свет напол-

нил дом, началась история девочки, которая любила музыку. Маленькая Септима подошла к фортепиано, неумело забралась на банкетку и нажала клавишу. Воздух наполнился звуком седьмой ноты и детским смехом. Это особый вид смеха, о котором мы часто забываем. Взрослые смеются, когда кто-то шутит, дети – потому что им по-настоящему весело.

Джон и Лора были так рады увидеть свою дочь за роялем, что потеряли дар речи. Они замерли, боясь спугнуть девочку. Но Септима продолжала колотить по клавишам самым нелепым образом: кулаками, ладонями и даже пару раз локтем.

Если бы вы были рядом и по меньшей мере думали, что разбираетесь в музыке, то могли бы услышать неплохой авангардный джаз. Правда, это бы значило, что в музыке вы все-таки не разбираетесь.

Правильный вопрос

Прошел год, и легкомысленное увлечение фортепиано стало обретать форму мечты. Но постойте, чьей мечты? А это, детектив, – правильный вопрос, сказал бы Альфред Лэннинг², но в доме, где всегда играла музыка, никто его не задал. В те дни Лора и Джон погрязли в поисках лучших учителей во всем Лондоне, которые бы смогли сделать из маленькой Септимы звезду фортепиано. Родители девочки устроили кастинг, пригласив десятки, а то и сотню претендентов. Септима лишь время от времени оглядывалась на очередного Джеймса Смита и Клару Вессон, а затем вновь возвращалась к игре простых мелодий любимого «Собачьего вальса».

За всей этой суетой с выбором преподавателей фортепиано, сольфеджио и других экспертов, которые разжуют вам все непонятные музыкальные термины, никто не заметил, что что-то изменилось в доме, где всегда играла музыка. Никто кроме Септимы Хадсон. Ее родители были так сильно поглощены встречами с новыми учителями, мечтами о звездном будущем дочери и своими амбициями, что если бы космические тентакли захватили Землю, то Джон и Лора этого бы не заметили.

* * *

² Альфред Лэннинг – персонаж фильма «Я, Робот» 2004 года, снятого по мотивам рассказов А. Азимова.

Минул месяц. Септима сидела за роялем в красном платье шифт – девочка очень любила красный цвет – и играла «Колыбельную» Брамса. В дом вошла незнакомая женщина.

– Септима, познакомься, это мисс Виктория Эмери, – сказал отец.

– Она будет учить тебя играть на фортепиано, – добавила мать.

Септима обернулась и увидела в дверях девушку лет двадцати пяти в черном платье а-силуэта с ярко покрашенными губами. Она выглядела строго и очень серьезно. Таких лучше не злить. Во взгляде ее карих глаз читалась надменность и высокомерие. Но едва ли маленькая Септима это понимала, впрочем, одно точно можно утверждать – девочке не понравилась Виктория. Было в ней что-то отталкивающее.

– Здравствуйте, мисс Эмери, – сказала Септима.

– Привет, малышка, ты готова стать звездой фортепиано? – Виктория оценивала взглядом свою будущую ученицу.

– Не знаю, я просто... – попыталась сказать девочка, но ее перебил отец.

– Готова-готова, она очень талантлива. Ну же, Септима, сыграй что-нибудь для мисс Эмери, покажи, чему ты научилась за год.

Джон выглядел довольно жалко в этот момент, как пес, который принес хозяину газету. Но, кажется, так было надо. Септима не понимала, зачем взрослые выслуживаются перед другими взрослыми.

Девочка в красном платье повернулась к роялю и начала нервно играть «Собачий вальс».

Септима была послушной дочерью и знала, что если родители просят ее что-то сделать, то это не должно причинить ей вред. Но правда была иной.

Девочка впервые выступала перед незнакомым человеком, она волновалась и боялась ошибиться, поэтому ее движения были скованными, а вальс превращался в густую кашу, оставленную на плите на трое суток.

Лицо Виктории Эмери скривилось от услышанного. Казалось, она сейчас засмеется и уйдет.

– Это никуда не годится, – сказала девушка.

– Девочка просто волнуется, она может и лучше, – возразила Лора.

– Поверьте, она талантлива, – добавил Джон.

Родители Септимы умели заканчивать мысли друг друга. Это было хорошо и плохо. Что же до девочки, то в этот момент в ее груди вспыхнул огонек боли. Она готова была заплакать, ведь никто и никогда не критиковал ее игру. Но не заплакала. Септима была терпеливой девочкой.

– Конечно же я слышу, что девочка не бездарна, иначе я бы не стала тратить свое время, но для того чтобы стать кем-то, ей придется очень много работать. Очевидно, сейчас Септима воспринимает фортепиано как игрушку, ей следует быть серьезнее.

– Но она ведь ребенок, – возразил Джон.

– Эдвард Стронг.

– Простите, что?

– Мальчик-гений, выиграл конкурс пианистов имени Шопена в пять лет. Так что если вы хотите светлого будущего для Септимы, то не мешайте мне работать. Я сделаю из нее лучшую пианистку в мире.

Вот так и началось время, когда игры закончились.

Всегда есть «однако» или «но»

Виктория Эмери была красивой девушкой, любящей черные платья, и выдающейся пианисткой, отдавшей всю свою жизнь академической музыке. В Лувре не хватило бы места, чтобы вместить все ее награды. Однако. Всегда есть «однако» или «но», которое объясняет, почему выдающаяся пианистка занимается преподаванием, а не играет на сцене для аристократов, купаясь в аплодисментах и любви высшего общества. Однако, на пике карьеры Виктории поставили неутешительный диагноз – хронический артрит. Это был конец ее фортепианной истории.

* * *

Когда наши мечты сгорают, превращаясь в пепел, мы не оставляем надежду исполнить их через других людей – своих учеников, своих детей.

Ре

Маленькая выскочка

Под строгим присмотром Виктории Эмери к семи годам маленькая Септима научилась играть сложные произведения Рахманинова, Листа и других великих пианистов. Стало очевидно, что для дальнейшего роста девочке необходимо участвовать в музыкальных соревнованиях.

Конкурсы пианистов среди детей и взрослых проводятся по всему миру. Они выявляют наиболее одаренных и перспективных исполнителей. Математика мероприятий довольно проста: если ты хочешь добиться успеха, то тебе необходимо побеждать и хвататься за каждую возможность. Удачная серия позволяет музыканту двигаться вверх – участвовать в более престижных академических конкурсах и получить возможность выступить на сцене со знаменитым оркестром перед высшим обществом. Самые успешные исполнители становятся частью такого оркестра. Сперва привлекаются эпизодически, а в дальнейшем вытесняют кого-то из состава.

Родители Септимы мечтали о мировых гастролях с Королевским филармоническим оркестром, который еще называют Государственным оркестром Великобритании. Джон и

Лора всегда повторяли: «Септима – ты особенная, тебя ждет блестящее будущее», и делали все, чтобы девочка добилась успеха в жизни, забывая о главном.

Говорят, что успех имеет две стороны – светлую и темную. Но скажите об этом тем, кто его добился, и они ответят, что нет никаких сторон. Ведь картина выглядит яснее, когда ты видишь в ней себя.

* * *

В конце весны 2015 года Виктория Эмери подала заявку на участие Септимы в нескольких местных соревнованиях среди пианистов для детей до восемнадцати лет. Девочка должна была набраться опыта, уверенности, почувствовать дух соревнований и победить как минимум в пяти таких мероприятиях, чтобы получить возможность выступить в престижном Шотландском международном конкурсе. Все мероприятия такого формата проводятся как для детей, так и для взрослых. Юношеские соревнования проходят в упрощенной форме в силу большого числа заявок. В некоторых случаях организаторы делают исключения, допуская несовершеннолетних до конкурсов для взрослых. Так было с Викторией Эмери, которая уже в четырнадцать лет значительно опережала всех своих соперников.

Первый конкурс пианистов, где принимала участие Септима Хадсон, проводился в самой обычной школе в центре Лондона. Это должно было стать важным событием для девочки, но не стало. Септима не хотела ни с кем соревновать-

ся, ей просто нравилось играть музыку и видеть как улыбаются родители. Но поскольку мама с папой сказали, что выступать на конкурсах очень-очень важно, то девочке ничего не оставалось.

Дети такие доверчивые.

В школе царила атмосфера страха, волнения, зависти и презрения. Септима не понравилось то, что она увидела: суматоха, крики, детский плач. Это было плохое место. Девочка обернулась, оценила взглядом происходящее и подумала: «Если я хорошо сыграю, то может быть все будут улыбаться, как мама и папа?». Но никто не улыбнулся, когда прозвучала последняя нота девятого «Ноктюрна» Шопена в исполнении Септимы Хадсон – девочки в красном платье. Зал лицемерно аплодировал.

Септима отошла от рояля и поклонилась зрителям. Этот ритуал она будет повторять еще много раз, но лишь в будущем он будет что-то значить. Когда аплодисменты стихли, девочка услышала перешептывание людей:

– Маленькая выскочка, – сказала полная дама с гнездом на голове.

– Вы видели ее платье? – возмутилась ее соседка.

– Надела красное, чтобы хоть как-то выделиться, раз уж игрой не получается, – с умным видом сказал муж соседки полной дамы.

– Безобразно исполнила Шопена, – продолжила полная дама.

– Я слышал у нее богатые родители.

– Думаешь, подкупили судей?

– Не исключено, ведь другие были не хуже.

Вот только были. Даже стакан виски не действует так губительно на рассудок, как человеческая зависть.

Девочка поспешила уйти со сцены.

* * *

Родители были в восторге от выступления Септимы, а вот Виктория по-снобски заметила:

– Тебе не хватает чувства, эмоций в игре. Твое исполнение звучало топорно. Хорошо, что все остальные участники были гораздо хуже, некоторые даже играли не те ноты, полная деквалификация, – мисс Эмери строго посмотрела на девочку – У тебя талант, малышка, но талант нужно развивать, и если сейчас ты остановишься, то можешь забыть о Королевском филармоническом оркестре.

– Но Септима старалась, – возразил Джон.

– Этого мало, мистер Хадсон. Следующий конкурс не будет таким простым.

– Следующий? Но мы еще не победили в этом, – сказала Лора.

Виктория бросила надменный взгляд на мать Септимы и сказала:

– Мы безоговорочно победили, просто не все еще об этом знают. Есть мечтатели, которые иррационально верят в своих детей, но даже до них скоро дойдет, что Септима выше

всех участников на две головы. Ждать объявления результатов – пустая трата времени. Пора готовиться к следующему конкурсу. Уходим.

И действительно, спустя пару дней на почту Хадсонов пришло письмо, в котором говорилось о победе Септимы. Ей стоило бы радоваться, но..

Талант – жестокая вещь, а его развитие – это путь одиночества.

* * *

В отличие от сверстников, которые беззаботно играли на улице в мяч, мир маленькой Септимы вертелся только вокруг белого фортепиано в доме, где всегда играла музыка. Рояль был для нее как большой белый кит для капитана Ахава, с той лишь разницей, что герой «Моби Дика» сам выбрал свою судьбу, а Септиму заставили выбрать.

Трудно быть ребенком, когда тебе не с кем поиграть, когда тебя окружают только взрослые, а все сверстники словно бы стоят где-то за пределами купола, которым накрыта твоя жизнь. С этим можно попытаться бороться, но проблема в том, что ключей от выхода у тебя нет. В жизни Септимы так было не всегда. Она помнила, что в прошлом родители любили ходить с ней гулять. Мелоди-стрит была прекрасной улицей с доброжелательными людьми, своими традициями и парком через дорогу, где можно было покормить уток, которые мило кружили по пруду и крякали. Септима любила уток. Может быть, время и искажает воспоминания, но де-

вочка была уверена, что ее познакомили с соседскими детьми, что она играла с ними и общалась. Одного из них, кажется, Роджер звали или Тед? Но появилась «мечта» и все изменилось.

Иногда во время занятий Септима бросала взгляд в окно на дом четыре, и видела простых детей, у которых не было больших амбиций, но все они мечтали кем-то стать – космонавтами, футболистами, врачами, актерами и даже клоунами в цирке. Девочка так увлеченно смотрела на них, что забывала играть на фортепиано. А когда рояль не звучал – приходили родители или мисс Эмери и читали лекцию:

– Не смотри на них, – говорил кто-то из одержимых «мечтой», скорее всего мисс Эмери, это было в ее стиле. – Эти дети прожигают свое время и ничего не добьются в жизни. Максимум, что им светит – второсортная работа и кредитное рабство. Ты не такая как они, у тебя есть талант, Септима.

Девочка это усвоила, но не могла понять почему детям за окном весело, а ей – нет.

* * *

До появления Виктории Эмери мир Септимы Хадсон казался волшебным королевством – Септилэндом, где она была маленькой принцессой. Прекрасное время. Тогда родители девочки улыбались всякий раз, когда она подходила к фортепиано, радовались ее первым шагам и маленьким успехам в музыке. Но воздушные замки рушатся, пока на них не смотрят.

Почему люди верят?

Успех не заставил себя долго ждать. Как бы ни была холодна Виктория Эмери, сколько бы ни было в ней надменности и презрения ко всем окружающим, но свое дело она знала. Настоящий профессионал. Не стоит удивляться, что в течение двух лет Виктория с легкостью привела Септиму к серии побед на городских конкурсах. Девочка повторяла путь мисс Эмери, сама того не зная. Дальше было сложнее.

* * *

Шотландский международный конкурс пианистов проводится в Глазго с 1986 года. Он был организован в память о Фредерике Ламонде. Является довольно престижным мероприятием среди академического сообщества. С него начинали многие выдающиеся пианисты современности. Победа на этом конкурсе – хороший карьерный старт.

Королевская Консерватория Шотландии, где проходило соревнование, выглядела величественно по сравнению со всеми другими местами, где Септима приходилось выступать. Совсем иной уровень организации. Это было первое серьезное испытание на пути девочки.

Когда Септима переступила порог музыкального учреждения, ничего не случилось, никакой магии, фанфар, даже хлопушка не хлопнула, хотя родители уверяли, что это здание – символ музыки, и здесь исполняются мечты. Но девоч-

ка увидела просто много серьезных лиц под бетонной крышей. Создавалось ощущение, что музыка для них – это вопрос жизни и смерти.

Родители и мисс Эмери шли рядом с Септимой и говорили о чем-то своем – наверно о «мечте», о чем им еще говорить? Девочка их не слушала. Ей не нравилось здесь, но после случая на втором городском конкурсе она перестала высказывать недовольства. Септима просто делала то, что скажут папа и мама, по крайней мере это делало их счастливее на какое-то время, а когда они были счастливы, то и Септима чувствовала себя лучше.

* * *

– Мама, мне здесь не нравится, – так девочка в красном платье обозначила протест два года назад.

– Септима, дорогая, есть вещи поважнее, чем нравится и не нравится, – говорила ее мать. – Иногда нужно делать то, что тебе неприятно, ради высокой цели. Ты ведь всегда мечтала играть с Королевским оркестром...

Опять эта фраза, ну почему все вокруг думают, что я хочу играть с этим оркестром? – подумала Септима.

– ...А для этого тебе придется потерпеть. Я обещаю, потом все изменится. И ты скажешь нам с папой и мисс Эмери «спасибо», – продолжила наставлять девочку Лора Хадсон.

Септима поняла, что спорить с матерью просто бесполезно, и лучше делать все так, как она скажет.

* * *

На конкурсе в Шотландии девочка в красном платье должна была играть Баха. Что за произведение? Если вы спросите виновницу торжества, то она вам не ответит, потому что иной раз сама забывала все эти скучные названия, оканчивающиеся на «Си минор» или «Ля мажор». От Септимы требовалось просто стучать по клавишам определенным образом. Мисс Эмери говорила, что акцентирование придает эмоциональный оттенок произведению, а музыкальные формы и техники воссоздают чувства и переживания авторов. Это все звучало так странно.

Но если я не чувствую печали или радости, играя эти произведения, почему люди все равно верят? Только потому, что я в нужное время с нужным акцентом даю на клавишу? – мысленно возмущалась Септима.

Но сказать такое Мисс Эмери означало подписать свой собственный смертный приговор. У них с Септимой были натянутые отношения, хотя нет, просто плохие, но родители девочки одобряли методы Виктории, потому что они давали результат. А результат слишком часто затмевает разум.

Когда Септима допускала ошибки в исполнении, мисс Эмери говорила: «Я не буду бить тебя по рукам линейкой, мы же не пещерные люди, ты просто будешь играть этот отрывок до тех пор, пока я не скажу „нормально“». А девочка наивно думала: «Вот уж испугала, мисс Злюка».

Однако добиться от мисс Эмери слова «нормально» было так же трудно, как покорить Эверест без снаряжения. Иногда

Септима играла до самой ночи, чтобы удовлетворить чувство прекрасного своей учительницы. Это было пыткой. Надо ли говорить, что девочка постепенно отстранялась от рояля и теряла всякое желание играть музыку.

Жизнь Септимы Хадсон катилась в темную пропасть. Спасало одно – родители девочки все еще улыбались ее победам, словно теплое прошлое возвращалось на миг.

* * *

Септима и мисс Эмери стояли за кулисами, ожидая своей очереди. На сцене выступал мальчик, кажется, его звали Питер Олсгуд или Освальд. Это было не важно, потому что мир Септимы вертелся только вокруг большого белого рояля, иногда черного. Академическое сообщество признавало только два цвета. Речи о том, чтобы заговорить с этим мальчиком, не было, хотя он тоже выглядел марионеткой, которая должна была показывать в музыке чужие эмоции. Джон и Лора решили, что девочке лучше не общаться с конкурентами, потому что: «Мало ли что у них на уме? А еще хуже, что на уме у их родителей? Для некоторых все средства хороши, лишь бы устранить препятствие!».

Препятствие? Значит, вот кто мы для вас, мам, всего лишь маленькие препятствия? – думала Септима.

Девочке не нравилось то, во что превращались ее родители. Они становились бездушными монстрами, как мисс Эмери. Но Септима верила, что своей игрой и любовью к музыке сможет сделать их прежними.

Зал консерватории был полон, слушатели в красивых костюмах, под стать помпезности конкурса, расселись по своим местам. От мероприятия веяло высоким статусом. Все были такими серьезными и важными. Знали, когда можно и нужно хлопать, а когда – нет. Септима даже подумала, что это единственное различие между выступлениями в школах и консерваториях.

Костюмы у вас краше, хлопаете вовремя, но слушаете все так же.

Для девочки по большей части ничего не изменилось. Ее задача – выйти на сцену, сыграть произведение, которое она разучивала последние полгода по двенадцать часов в день, поклониться и, возможно, забрать почетную грамоту победителя или что там выдают? Виктория Эмери всегда выкидывала награды Септимы, аргументируя это тем, что обозначать ее успех она будет сама.

– Твоя очередь, малышка, – сказала мисс Эмери. – И помни, играй строго по нотам, учитывай все авторские замечания.

– Ладно, – сухо ответила девочка.

Септима не волновалась, просто вышла из-за кулис, бросила взгляд в зал, и поторопилась к роялю. Ей были абсолютно безразличны победа, зрители и конкуренты.

Какая неожиданность! Он опять черный! – подумала Септима. Без разницы, я просто сыграю так, чтобы мама с папой стали такими как прежде, и заставлю их улыбаться.

Если для этого надо победить, то я это сделаю, так или иначе.

Маленькие пальчики опустились на клавиатуру рояля. Заиграла музыка. Музыка, которую хотели услышать в консерватории. Музыка, сыгранная для судей строго по нотам. Музыка, что исполняют победители. Это был Бах, может быть какой-то фрагмент из его сюиты, а может быть нет. Спросите у тех, кто был в зале в тот день, у тех, кто разбирается в академической музыке. В действительности имело значение только то, ради чего девочка в красном платье играла изо всех сил. Первый раз в своей жизни она захотела изменить что-то музыкой. Септима выкладывалась как никогда, словно от этого зависела чья-то жизнь. Со стороны казалось, что девочка прониклась произведением, что она чувствует все то, что переживал автор. Это была такая красивая ложь, в которую поверили все. И только Септима знала, что за краской, эмоциями и чувствами лежит хладнокровное исполнение по нотам. Она была спокойна как робот. Виктория Эмери не говорила этого Септима, потому что, возможно, сама не знала, но главное на детском академическом конкурсе – умело обмануть зрителей и судей.

Однажды и андроиды вас одурачат, – подумала Септима, громко исполнив финальный аккорд.

Звук разнесся по залу и наступила гробовая тишина.

Три, два, один...давайте аплодируйте уже, и я пойду к родителям.

Концертный зал просто взорвался от оглушительных оваций и пустился в бесконечные аплодисменты. Казалось, на горизонте загорелась новая звезда. Пресса так и написала.

Септима наигранно улыбнулась, поклонилась зрителям и покинула сцену. Это была победа. Так уверенно девочка не выигрывала никогда, даже в день своего дебюта. Первое место ничего не значило для нее, Септима просто хотела заставить родителей улыбаться. Но улыбок она так и не увидела.

Ушастик

В девять лет Септима Хадсон победила в престижном музыкальном конкурсе в Глазго. Судьи были впечатлены. Зрители ликовали. Но родители и Виктория Эмери восприняли победу как должное – ничем не примечательное событие. Они сразу же принялись готовить девочку к новому конкурсу.

– Септима, сегодня ты сделала важный шаг на пути к успеху. Но это только начало. Если ты продолжишь побеждать, то... – не успела закончить Лора.

– Это сделает вас с папой счастливыми? – спросила Септима.

– Ну конечно, милая, ведь мы все об этом мечтали с того дня, когда ты впервые подошла к роялю.

– Ладно, мам. Я постараюсь.

Но почему ты не улыбаешься? Что мне сделать, чтобы исправить это? – мысли пролетали у девочки в голове. Сколько бы я ни побеждала, ничего не меняется! Становится только хуже. Вы с папой отдаляетесь от меня. Но кроме музыки я ничего не умею!

Шли мучительные дни, гнетущие недели и бесконечные месяцы, Септима постепенно превращалась в робота, играющего строго по нотам ради побед в конкурсах. И если бы

это была «Апрельская ложь»³, то кто-то бы точно назвал девочку «Метрономом».

– Наша цель – конкурс имени королевы Елизаветы, – сказала Виктория Эмери.

– Ваша, – прошептала Септима.

– Что ты сказала, малышка?

– Ничего, мисс Эмери, какое произведение я должна играть?

– Не так быстро, милая. Сначала тебе нужно победить в конкурсах в Хамамацу и Хельсинки.

– Ладно.

– Думаешь, это будет так легко?

– Нет, но я это сделаю, так или иначе.

– Как уверенно. Хорошо, – Виктория ухмыльнулась. Девушка подумала, что Септима идет по ее стопам.

Дело не в уверенности, дорогая мисс Злюка, а в закономерностях, которые заметил бы даже Ушастик⁴. Если у тебя достаточно врожденного таланта и ты строго соблюдаешь «пожелания» академического сообщества, то ты победишь. Это не просто, но порядок ясен. Никому не нужна твоя индивидуальность, – подумала Септима, но не высказала мысль.

Не без труда девочка с Мелоди-стрит победила в обоих

³ «Твоя апрельская ложь» – манга о классической музыке.

⁴ Ушастик – персонаж книг А. Милна «Винни-Пух», более известен как ослик Иа.

конкурсах. Септима перестала отличать одно мероприятия от другого, хотя разница между Финляндией и Японией, где она успела побывать, просто огромная. Но когда у тебя нет возможности посмотреть страну, поговорить с людьми, а в аэропорту тебя заставляют повторять сыгранное на воображаемом рояле, то все превращается в серую массу.

Красные дьяволы

Наступило лето 2019 года. Септима исполнилось одиннадцать. Как пианистка она чувствовала себя увереннее, чем когда-либо, поэтому говорить о ее готовности к конкурсу королевы Елизаветы не приходилось.

Родители девочки уехали по делам в центр города, но обещали вскоре вернуться и отправиться с ней на конкурс. Септима какое-то время играла на рояле, а потом вышла на улицу. Небо над Мелоди-стрит было хмурое, но кому-то казалось, что светит яркое солнце. Девочка стояла возле своего дома и ждала. Это было не одно из тех томительных ожиданий, которые настигают пунктуальных людей во время встреч с безответственными, отнюдь, Септима хотела чтобы момент продлился как можно дольше, потому что в эту минуту она была свободна. Никто не давил, не кричал и не заставлял играть на рояле. Можно было делать все что угодно.

Как хорошо вот так просто стоять на улице.

Вдруг из ниоткуда с бешеной скоростью вылетел футбольный мяч и попал девочке в голову. Звездочки. Нокдаун. Септима рухнула на землю. На секунду она потеряла сознание. Когда девочка очнулась, ее окружали соседские дети, которые, кажется, уже вынашивали план, где спрятать труп.

– О нет! Я не хочу в тюрьму, давайте выбросим ее в пруд к уткам! – кто-то запаниковал. – Вы знаете, что они там делают

с гиками?

– Ключют? – засмеялся кто-то. – Ох уж эти утки.

– Не тупи, она жива, – ответил еще кто-то.

Их было трое.

Что случилось? Кто эти люди? Почему они сбили меня с ног? Может быть это и есть банда несовершеннолетних преступников, про которых рассказывали родители? Надо срочно звонить в полицию.

Мальчик в футбольной форме и красной бейсболке, скрывающей темные волосы, подал руку девочке.

Вот черт, это наверно главный у них. Руку тянет, наглец. Что же делать?

– Извини, тебе не больно? – сказал мальчик. – Меня зовут Тед МакРейн, и похоже, мы соседи по Мелоди-стрит.

Судя по надписи на футболке он даже название преступной организации не скрывает. Красные дьяволы⁵. Звучит устрашающе.

Септима молчала, рука мальчика зависла в воздухе.

– А я Алан Шепард, – сказал мальчик в очках с короткой стрижкой как у Спока⁶. Он сильно заикался. – Живу рядом – в четвертом доме.

– Мы его называем Киллер. Я Ральф Холт, – ухмыльнулся самый толстый из детей. На нем были черная футболка и

⁵ Красные дьяволы – прозвище игроков футбольного клуба Манчестер Юнайтед.

⁶ Спок – один из ключевых персонажей во вселенной «Звездный путь»

черные шорты. Возможно, чтобы скрыть полноту, но получилось не очень. – Моя берлога в конце улицы, можешь заглянуть как-нибудь и мы с тобой...

Тед ударил Ральфа по затылку.

Вот и шестерки заговорили. Этот тип непрост, ходит с охраной. Убежать не выйдет, бояться поздно.

– Убери своих шестерок, я тебя не боюсь! – Септима нахмурилась.

– Да о чем ты?! – Тед сильно удивился, почти так же, как двумя годами ранее, когда Алан сказал ему, что «Терминатор 2» – это не документальный фильм.

– По вам тюрьма плачет, видно, что вы банда малолетних преступников.

– Я порешил своего первого, когда сидел в Алькатрасе за воровство зубочисток, – с серьезным видом сказал Алан и поправил очки. – Тед, откуда она об этом узнала?

– Хорошо, что она не знает, зачем тебе нужны были зубочистки, – подыграл Ральф. – Но скоро выяснит. Хи-хи-хи.

У Ральфа был дурацкий озабоченный смех, который пугал даже его маму.

– Да хватит, парни, – с улыбкой произнес Тед. – Они шутят, тебе не стоит бояться.

Странные ребята, и шутки у них дурацкие, но не похоже, что они хотят сделать что-то плохое, иначе бы уже сделали.

– Допустим, вы не банда, тогда зачем вы мне мячом в лоб

запустили? – Септима все еще сидела на траве.

– Мы играли в футбол, Киллер хотел показать нам удар гарцующей лани, но получилось как всегда. Ты не первая его жертва.

– И не последняя, – сказал Алан и поправил очки.

– Давай лапу уже, – Тед добродушно посмотрел на девочку.

Септима протянула руку и, наконец, поднялась на ноги.

– Хочешь с нами поиграть в мяч? Смотрю, ты тут совсем одна.

Только руку подала, а он уже вербует меня в свою банду, вот наглец.

– Но я не умею.

– Мы научим, это весело, в большинстве случаев.

– Если мяч не прилетает в лоб, – заметила Септима и улыбнулась.

Ребята засмеялись.

– Меня, кстати, Септима зовут. Септима Хадсон.

А может, в банде не так уж и плохо? По крайней мере им весело.

Дети пошли во двор дома четыре, где жил помешанный на компьютерах Алан. Мальчик не любил уходить далеко от командного центра – своей комнаты. Но когда приходилось, он называл это вылазкой в другие миры.

– Играем двое на двое: Киллер и Ральф в одной команде, я и Септима – в другой. Ворота между деревьями, – сказал

Тед.

– Эй, а почему не я с Септимой? – возразил Ральф.

– Потому что ты озабоченный фанат аниме, – аргументировал Алан. – Мы обещали твоей маме не подпускать тебя к девочкам.

– Ваши обидные намеки, мистер Киллер, мне непонятны! Я смотрю, но не трогаю. – Ральф гордо задрал голову. – Тед, это правда? Как вы могли?!

– Да, чувак, увы, у нас не было выбора, – Теду стало немного стыдно за друга и он тяжело вздохнул.

– А какие правила? – спросила Септима.

– Ты смотрела футбол? – ответил Алан.

– Нет.

– Как же так? В этой стране люди помешаны на футболе. Даже Пол Маккартни⁷ пинал мяч, – удивился Ральф.

– Все помешаны, кроме тебя с твоими тупыми нарисованными невестами, – рассмеялся Алан.

– Меня оскорблять можешь, но не трогай Эринутя⁸! – рассердился Ральф.

Тед прикрыл рукой лицо и покачал головой:

– Не обращай внимания.

– Ладно, я только на рояле играю, у меня нет времени на футбол, – сказала девочка.

– Ого! Так это же круто, сыграешь нам как-нибудь? –

⁷ Пол Маккартни – один из основателей легендарной группы The Beatles.

⁸ Эрина Накири – персонаж манги «Кулинарные поединки Сомы»

спросил Тед.

– Может быть, если футбольные правила расскажете, – улыбулась Септима.

– Ладно, все началось более века назад... – Алан заикался сильнее обычного.

– Киллер, Half Life 3⁹ выйдет раньше, чем ты закончишь рассказывать правила, – сказал Тед.

– А это долго? – Септима не понимала шуток этих ребят. Все засмеялись, кроме девочки.

– Забудь про эту дурацкую игру, – Ральф ходил по тонкому льду, Алан смотрел на него как озлобленный суслик. – Все просто: пинай мяч ногами по воротам, руками не трогай.

– И это все?

– Да, мы же не под эгидой УЕФА выступаем.

– Не уверена, что смогу пнуть мяч достаточно сильно.

– У тебя получится, Септ, – Тед достал монетку в десять пенсов из левой гетры и кинул девочке. – Держи, это принесет тебе удачу.

– Это же просто монетка, – Септима осмотрела десять пенсов.

– Не просто, Септ. Однажды она спасла мне жизнь.

– Технически, тот факт, что тебя не задавила машина в тот день, не значит, что монетка приносит удачу, – с умным видом сказал Алан. – Меня всегда интересовал вопрос, если

⁹ Half Life 3 – самая ожидаемая видеоигра 21 века. Возможно, не выйдет никогда.

бы в тот день вместо монетки ты увидел белочку, то..?

– То сейчас бы она грызла провода в твоём командном центре, – ответил Тед.

– Туше.

– Я думаю, она поможет, – сказала девочка. – Спасибо, Тед.

Дети разошлись по разные стороны импровизированного поля.

– Наша команда будет называться... – задумался Ральф. – Пернатые фурии зубастых равнин Нижнего Лондона¹⁰ или сокращенно ПФЗРНЛ-дримтим.

– Ну и название, – Септима закатила глаза.

– Септ, с названия все и начинается. Все команды-победители имели крутые названия, например, Манчестер Юнайтед! – сказал Тед.

– Да брось, они ничего серьезного не выигрывали уже сто лет, – засмеялся Алан.

– Ну, ты сам попросился, Киллер, – сердито проговорил Тед. – Гейб Ньюэлл¹¹ не...

Лицо Алана вытянулось от удивления.

– Ты не посмеешь этого сказать!

– Еще как посм...

¹⁰ Нижний Лондон – волшебное место из романа «Никогда» Н. Геймана, но Ральф об этом не знал.

¹¹ Гейб Ньюэлл – один из основателей компании Valve, занимающейся разработкой компьютерных игр.

Септима неожиданно встряла в разговор:

– Значит, нам нужно крутое название? Может Юнайтед Квинтс?

– Звучит устрашающе, мне нравится, – сказал Тед.

Ральф грозно посмотрел на Теда и произнес:

– Агрх!!! Мы вас раздавим, вперед, Фурии! Кубок Мелоди-стрит наш!

Игра началась. Ральф отдал мяч Алану, тот пошел в обводку и запутался в своих ногах. Мяч отскочил к Септимае.

И что мне с тобой делать? – подумала девочка.

– Бей! – крикнул Тед.

И Септима со всего размаху ударила по мячу.

Алан только начал подниматься, как вдруг перед его глазами засияли звезды. Киллер комично рухнул на траву. Его очки разлетелись на несколько кусочков.

– О боже, что я наделала! – сказала Септима.

– Киллер погиб. Да здравствует новый Киллер! – провозгласил Ральф.

– Не так быстро, Киллер жив! – Алан поднялся на ноги. Достал синюю изоленту и начал склеивать очки.

– Чувак, куда делось твое заикание? – удивился Ральф.

– Септ, ты сломала Киллера! – Тед выразительно посмотрел на Септиму.

– Да нет, пацаны, все в порядке, – Алан заикался пуще прежнего. – Играем дальше. Но моя месть будет страшна.

– Да ты первый мне по лбу заехал, мы квиты, – улыбаясь,

сказала Септима.

Дети продолжили играть. Мяч летал в разные стороны и все смеялись. Септима было по-настоящему весело впервые за много лет.

– Тед, давай пас! – крикнула девочка, войдя в раж.

Мальчик в красной кепке недооценил свои силы и послал мяч Септима слишком быстро. А потом были слезы. Игра закончилась.

* * *

Когда машина Джона и Лоры подъехала к дому, девочка сидела на бордюре и плакала. Где-то вдалеке звучала сирена скорой помощи.

– Что случилось, Септима?! – спросила Лора.

– Почему ты плачешь, зайка? – удивился Джон.

Девочка хлюпала носом и держалась за правую кисть. Рядом с ней стояли дети, но родители Септимы не обращали на них внимания, словно бы их не существовало. В каком-то смысле в мире, созданном Джоном и Лорой, этих детей действительно не существовало. Для них на Мелоди-стрит был только дом с цифрой пять.

– Это произошло случайно, я ударил по мячу слишком сильно... я не хотел, чтобы так случилось, не хотел, – сказал Тед.

– Мяч попал Септима в пальцы, – добавил Алан.

– Мы просто играли, это случайность, – оценил ситуацию Ральф.

Родители девочки наконец обратили внимание на детей.

– Да вы в своем уме?! – взорвалась Лора. – Вы знаете, что Септима – гений фортепиано, ее ждет блестящее будущее. А теперь из-за вас, о боже... я даже думать не хочу. Проваливайте отсюда, и чтобы я вас больше не видела.

Алан, Тед и Ральф опустили головы и гордо приняли удар на себя. Они были, конечно, виноваты, особенно Тед, но не соизмеримо тому гневу, который на них обрушился.

– Что вы наделали! Уму непостижимо. Мало того, что вам на себя плевать, так вы губите будущее других. Вот что происходит, когда якшаешься с неудачниками! – добавил Джон.

У Септимы были сломаны пальцы на правой руке.

– Папа, мама, они не виноваты, я сама была неосторожна, – проговорила заплаканная девочка. – Я виновата.

– Не защищай их, милая. Мы сами во всем разберемся, – уверенно сказала Лора.

Родители Септимы были в ярости из-за того, что девочка пропустит конкурс королевы Елизаветы. Они ничего не хотели слышать. Позднее Джон подал в суд на родителей Теда, Алана и Ральфа. На каком основании? Да кто их знает, этих взрослых. Одно известно точно, отношения с соседями они испортили.

* * *

Септима следовало расстроиться из-за травмы, но в душе она была рада случившемуся, потому что родители прекратили на нее давить. Пальцы не заживут быстрее, сколько на

них не кричи, это знали даже Джон и Лора Хадсоны. Правда, с теми ребятами – Аланом, Тедом и Ральфом – девочке запретили общаться, потому что, как сказал ее отец, «У них опасные игры, которые могут сломать твое будущее!».

Счастливая монетка стала последним напоминанием о банде Красных дьяволов.

Ми

Попался!

Септима сидела в своей комнате. На столе лежали десять пенсов, хранящие память о матче Фурий с Квинтами за кубок Мелоди-стрит. Девочка пыталась что-то рисовать левой рукой, но для правши это еще та задачка. Результатом ее нового увлечения стал крутой пингвин Хиро, живущий в Африке и совсем не боящийся львов. Даже наоборот, это львы трепетали перед Хиро. Жаль, показать рисунок было никому. Родители и мисс Эмери выступали против того, чтобы девочка тратила свое время на рисование или другие хобби. Поэтому все художественные излияния Септимы отправлялись в стол.

Это был самый обычный письменный стол цвета жженого дерева с тремя ящиками.

Девочка любила этот стол, потому что могла делиться с ним рисунками. Но не только из-за этого. С раннего детства, когда жизнь Септимы пошла под откос, когда веселье сменилось гнетущей серьезностью, упражнениями и выступлениями, девочке некуда было девать переполнявшие ее эмоции, чувства и мысли. Это не могло продолжаться бесконечно, и в какой-то момент Септима взяла за правило делиться свои-

ми переживаниями со столом. Это может показаться глупо, но ей было плевать. Вот так до рисунков в столе оказались настоящие чувства Септимы Хадсон.

Обычно после утомительных уроков с мисс Эмери, отработки монотонных упражнений и игры классических произведений, Септима шла в свою комнату, садилась за стол и говорила вслух:

– Как же я устала, почему мисс Эмери такая злока? Вот что я ей сделала? Да и родители молчат, неужели не видно, что я на пределе? Почему меня никто не понимает?

Бывали дни и похуже, когда девочка прибежала в свою комнату в слезах. Септима старалась не показывать родителям свои эмоции, потому что знала, что они ее не поймут и начнут читать очередную лекцию про светлое будущее и треклятую «мечту». В отличие от Джона и Лоры, стол не читал лекции. Он вообще читать не умел. Зато секреты хранил как лучший агент МИ-6¹².

* * *

После безоговорочной победы в Шотландском конкурсе пианистов Септима была очень расстроена, потому что между ней и родителями выросла стена с надписью «Мечта», через которую нельзя было достучаться до них. Она сидела в своей комнате и пыталась найти ответ в себе.

– Что же мне сделать, чтобы они стали такими как прежде? – задавалась вопросом девочка. – Я же победила

¹² МИ-6 – секретная разведывательная служба Великобритании.

в этом дурацком конкурсе, неужели этого мало? Могли бы сказать: «Септима, ты – молодец» и просто улыбнуться. Мне многого не надо, только человеческой теплоты. Самую малость.

Глаза Септимы наполнились слезами. Блестящие капельки скатывались по ее лицу и ударялись об стол. Так появился Джек.

– Джек, что же мне делать? – спросила девочка.

* * *

Стол по имени Джек всегда был рядом с Септимой и никогда ее не предавал, никогда не давил на нее и никогда не говорил плохих слов. В основном потому, что говорить он не умел и едва ли считал свое мнение весомым. Хотя девочка в красном платье любила подначивать Джека на разговор.

– Джек, а откуда ты такой? Из Швеции? Говорят, там холодно и всегда зима. Или врут?

Но Джек хранил молчание, потому что он был столом. Пускай и не самым глупым, но все же столом.

* * *

Для Септимы дни вне музыки казались волшебными. Весь мир вдруг вновь начал обретать цвета.

В один из таких дней после занятий математикой девочка ворвалась в свою комнату с новой идеей. Она посмотрела на стол и сказала:

– Джек, я хочу написать музыку! Ведь я много лет играю чужие произведения, штудирую теорию, выступаю на кон-

курсах, мне кажется, я должна попробовать. Только обещай никому не говорить, это будет наш маленький секрет, – Септима улыбалась, а ее глаза просто сияли.

Но Джек молчал. Он был столон и едва ли мог разболтать. Тем более кому? Мистеру Стулу? Серьезно? Да никогда в жизни, у них были натянутые отношения.

– Эй, Джек, ну чего ты молчишь, – девочка нахмурилась. – Ты же самый классный стол на свете, поддержи меня! Вас в Швеции не учат хорошим манерам? Ну, блин. Может, ты языка не знаешь? Как это по-шведски будет? Hej Jack¹³?

Септима не унималась, ей так хотелось услышать хоть что-то. Но ответа не было и она отвернулась.

– Глупый Джек, – сказала Септима.

Слезы подступали к глазам девочки и в этот момент что-то изменилось, а затем стол хлопнул ящиком. Септима резко обернулась и направила указательный палец на него.

– Попался, Джек!

¹³ Привет, Джек (пер. с швед.).

Мой друг – Джек

Комната Септимы располагалась на втором этаже дома, где всегда играла музыка. Она была не похожа на комнату одиннадцатилетней девочки. Это было небольшое помещение, выполненное в теплых тонах, где совсем не было игрушек. Возле одной стены стояла кровать, а возле другой – шкаф и цифровое пианино Casio, черного цвета. Джек расположился рядом с окном. Ничего лишнего. Ни ноутбука, ни смартфона, ни интернета. Девочка была отрезана от окружающего мира, как хомяк в клетке, жизнь которого проходит в колесе.

Так было не всегда. В какой-то момент треклятая «мечта» настолько сильно ударила в головы Джону и Лоре Хадсонам, что они решили, – не без участия Виктории Эмери, разумеется, которая безусловно знала, как сделать из девочки звезду фортепиано, – принять ряд домашних законов, упраздняющих все, как им казалось, лишнее. С тех пор в комнате на втором этаже практически ничего нет.

Родители девочки хотели, чтобы Септима тратила свой талант исключительно на фортепиано и ни на что другое. Это может показаться жестоким, и честно говоря, это – жестоко, но когда в следующий раз вы увидите пианиста-виртуоза, то не удивляйтесь, ведь наверняка он прошел такой же путь, в котором нет времени на детство. Иногда нужно чем-то жерт-

воваться, чтобы добиться высот. Этого не замечает случайный прохожий, это игнорирует обычный слушатель. Некоторые думают, что дети просто рождаются с необычайным талантом. Но правда в том, что какой бы ни был у тебя талант, его придется оттачивать годами.

Мисс Эмери в первый же день обучения запретила Септима сочинять музыку, потому что все лучшее, по ее мнению, человечество уже сочинило более ста лет назад, а потому тратить на это время – бессмысленно. Но сейчас в комнате девочки не было Виктории, так что ей ничто не мешало сочинять свои мелодии.

Септима села за стол, взяла листок бумаги и черную ручку. К счастью, письменные принадлежности и старый-добрый папирус пока еще были законны в доме, где всегда играла музыка.

– Эй, Джек, как мне назвать свою первую песню?

Стол молчал.

– Ну, помоги мне. Что как не родной?

Тишина.

– Я не говорила тебе, что песня будет рассказывать о лучшем столе на свете? – девочка хитро улыбнулась.

Джек издал тихий звук.

– Что-что ты сказал?

Джек застучал ящиками.

– Другой разговор. Только, Джек, *Min vän är Jack*¹⁴ звучит

¹⁴ Мой друг – Джек (пер. с швед.).

как-то, ну не знаю, какой это вообще язык? Может, как-то по-нашему назовем?

Стук-стук.

– Мой друг – Джек? Но первый вариант тебе больше нравится? Джек, иногда приходится идти на жертвы ради искусства, даже вам – крутым столам из заснеженной Швеции, – Септима закатила глаза.

– Ладно, не скучай, мне нужно встречать репетитора по математике. Позанимаюсь и вернусь.

Стук-стук.

– Да, я расскажу тебе, что мы проходили. Все, пошла.

* * *

Жизнь постепенно выходила из затяжного пике.

Всякий раз, когда у Септимы заканчивались школьные занятия, – девочка училась на домашнем обучении, как и все гении, во всяком случае, так говорили ее родители, – она бежала к Джеку и рассказывала ему то, что изучала, подтягивая образование друга. Септима не была уверена, что Джек ходил в школу. Но не потому, что его мама и папа хотели вырастить дурачка. Нет, была другая причина. Как бы там ни было, Джек слушал все, что рассказывала Септима, он был хорошим столом.

– Джек, прикинь, миссис Эндрюс – мой новый репетитор по математике – так удивилась, что я знаю дроби.

Стол заскрипел.

– Да, знаю, что я их не знаю, но ведь, оказывается, знаю! –

с гордым видом сказала Септима. – Музыка мне помогла в этом, я же с малых лет разбираю размеры композиций, длительности нот, а это все чистая математика, – девочка усмехнулась. – А может, у меня талант, стану великим математиком!

Стук-стук-стук.

– Ну вот чего ты мне настроение портишь. Да я уже представляю себе бешеный взгляд мисс Эмери, когда скажу ей: «Спасибо за все, мисс Злюка, но мне математика нравится больше, чем эта ваша помпезная академическая музыка», и она такая покраснеет от ярости и скажет... – Септима не успела закончить.

Стук-стук, – весело зашумел Джек.

Девочка залилась смехом:

– Ой, сейчас умру, ты иногда такое выдаешь, что прямо до слез. Может тебе в стэндап комики податься? Диваны будут смеяться раскладываясь!

Девочка посмотрела на Джека и улыбнулась. Это был хороший день. Септима села за стол и начала размышлять о том, какой должна быть ее песня. Она смотрела куда-то вверх со смещением вправо и грызла колпачок ручки.

– Джек, вот ты – самый крутой стол дикого севера, – сказала девочка. – Это можно отразить в пафосном морозном вступлении. Партия фортепиано в маршевом ключе будет выстукивать холодные ноты. Хотя нет, это звучит ужасно.

Стол застучал ящиками.

– Ужасно, как Великий ледяной маневр¹⁵? Джек, мне иногда кажется, что в твою древесину впиталась вся история Швеции.

Стук-стук.

– Да брось, это было лет пятьсот назад. Ну да, осадочек остался, но будь сильным столом.

Джек застучал с большим энтузиазмом.

– Так, все, никакую Данию мы захватывать не будем. Угломонись, великий полководец. Помоги лучше с песней.

Стук-стук.

– Ну вот, можешь же, когда нужно. Так и запишем: начинаем в Ля-мажоре. Я попробую сыграть что-то теплое, я хочу, чтобы эта музыка согревала, – девочка задумалась на миг. – Знаешь, Джек, может, я дам послушать эту песню маме с папой. Да, они скорее всего будут злиться, но может быть их холодные сердца наконец-то потеплеют. Музыка – это все, что я умею, что-нибудь обязательно получится.

Джек ничего не ответил.

Септима была прирожденным музыкантом, жаль, этого никто не замечал: она могла представить мелодию у себя в голове и тут же ее записать. Ноты просто лились потоком и заполняли партитуру. Ей хватило двух часов, чтобы сочинить песню, которая называлась «Мой друг – Джек».

¹⁵ Великий ледяной маневр – тактический прием, разработанный и осуществленный Фридрихом Вильгельмом I в ходе Датско-шведской войны 1675—1679 года.

– Да я в ударе сегодня, Джек.

Стол зашумел, как ликующий морж.

– Ой, прям захвалил. Но ты еще не слышал песню. Мне нужно ее отработать на пианино. Хорошо, что к нему можно наушники подключить, а то мама меня бы урыла. Помню, однажды я играла Рахманинова, а потом неосознанно перешла к импровизации. Это было так круто, но когда мама услышала, что я играю что-то не старое как динозавры, то начала проповедовать свою лекцию про светлое будущее и «мечту».

Джек вопросительно постучал. Он был крутым столом, для него не составляло труда изобразить вопрос в стуке.

– Да знаю я, что песенный жанр подразумевает вокал, но пою я не очень, да и... Вот знаешь, Джек, я всю жизнь играю сюиты, сонаты и прочие формы музыки, да там голову сломаешь от всех этих названий и их классификаций. Но я хочу, чтобы моя песня была просто песней, даже если она не песня.

Септима взяла партитуру, установила ее на пианино, и сыграла несколько раз в наушники.

– Вау, как же это классно – быть музыкантом и воплощать свои идеи в жизнь!

Стол издал звук.

– Завтра в полдень, Джек. Приходи в колизей Септимы на Мелоди-стрит. Все билеты проданы, но для тебя у меня завалялся один – в вип-сектор. Только не опаздывай, – сказала девочка в красном платье.

* * *

Септима хоть и была одинокой девочкой, но ее всегда отличало умение слушать. Всякий раз, когда она оказывалась на конкурсах, где находилось много людей, девочка внимательно слушала, что говорят участники, зрители, персонал, и брала для себя ту информацию, которую считала полезной или веселой. Септима не смотрела ни одного фильма в своей жизни, но узнала много про кино от других. Богатая фантазия девочки помогала визуализировать незнакомое искусство. Может быть, это не всегда было точно, но во всяком случае, такой способ помогал Септима не отдаляться от мира поп-культуры, ведь в конце концов она хотела завести друзей и быть с ними на одной волне.

* * *

Наступило долгожданное завтра.

Септима никогда не врала родителям насчет травмы, хотя могла растянуть свой отдых от фортепиано еще на несколько дней. Срок ее восстановления должен был занять около месяца, на что и ориентировались Джон с Лорой. Однако, девочка пошла на поправку немного раньше.

Септима дождалась, когда родители уедут. До прихода репетитора по английскому языку оставалось еще полчаса, так что в доме, где всегда играла музыка, осталась только Септима и Джек.

Девочка надела свое лучшее красное платье – у нее их было несколько, – взяла карандаш и поднялась на банкетку.

– Дорогие зрители, многоуважаемый стол Джек, мисс кроватка, сеньор шкаф и мистер стул, сегодня я – Септима фон Квинта из ордена Юнайтед Квинтс – презентую вам свою дебютную песню – «Мой друг – Джек».

Стук-стук-стук, – заплодировал стол.

– Большое спасибо, что вы пришли, для меня это очень важно. Я пережила травму пальцев, но сейчас мои руки в порядке, и первой публикой, для которой я сыграю, – будете вы! – громко произнесла девочка.

Септима просто сияла, ее добрая улыбка делала этот пасмурный день ярким и красочным.

– Вы готовы?

Стол заскрипел.

– Я не слышу! Вы готовы?

Стук-стук-стук, – Джек стучал как Ларс Ульрих¹⁶.

Септима села за фортепиано, положила счастливые десять пенсов рядом с партитурой, выкрутила громкость на полную и начала играть. Ее пальцы филигранно бегали по клавиатуре. Она играла искренне, эмоционально, чувственно и грациозно, заставляя звучать каждую ноту. Черно-белая жизнь Септимы окрасилась в яркие, сочные тона. Пока девочка билась по клавишам, ее комната превращалась в волшебный мир, в то самое сказочное королевство Сэптилэнд, в котором она жила, когда была маленькой принцессой.

Руки Септимы двигались изящно, она закрыла глаза и на-

¹⁶ Ларс Ульрих – барабанщик метал-группы Metallica.

слаждалась тем, как льется музыка. Это был не Моцарт, не Бетховен и не Лист, это была Септима Хадсон – девочка в красном платье, которая отдавала часть себя вместе с мелодией.

В финале прозвучал торжественный септ-аккорд. Девочка зажала правую педаль пианино, чтобы звук как можно дольше не уходил из комнаты, опустила руки и взглянула вверх. Ее тяжелый вздох говорил сам за себя. Септима выложились на полную, отдала все свои силы и эмоции.

Аккорд затих и наступила тишина.

Девочка повернулась к Джеку.

– Ну как тебе, Джек?

Стол аплодировал всеми своими ящиками.

Септима улыбнулась, а потом четко и уверенно сказала:

– Я изменю их, изменю их всех своей музыкой! Обещаю тебе, Джек!

* * *

Позднее в дом, где всегда играла музыка, пришел мистер Нэйл – преподаватель английского. Септима была так довольна своим выступлением, что с радостью взялась за учебу. Девочку переполняли чувства, потому что она впервые что-то создала. Ей хотелось сыграть эту песню всему миру, но прежде она должна была донести свои эмоции до родителей.

Когда Джон и Лора Хадсоны вернулись домой, Септима сразу же побежала к родителям, дала им партитуру и сказала:

– Мама, папа смотрите, что я сочинила, позвольте мне сыграть для вас эту музыку! – девочка была полна надежд, она верила, что ноты могут что-то изменить, нужно только немного постараться.

Лора взяла листок с партитурой у дочери, взглянула на ноты и какое-то время молчала. Ее лицо выражало безразличие. Кажется, она не понимала, что нужно делать и размышляла о том, как бы поступила мисс Эмери.

– Септима, дорогая, послушай, это хм... хорошо, что ты пытаешься сочинять музыку, но тебе лучше сосредоточиться на исполнении программы для будущего конкурса. Из-за травмы тебе придется догонять конкурентов, – сухо сказала Лора.

Септима повернулась к папе.

– Дочка, если ты будешь тратить время на эти глупости, то поставишь крест на своем блестящем будущем, – разозлился отец девочки. – Разве ты не мечтаешь играть вместе с Королевским оркестром? Мы с мамой стараемся сделать все для тебя, чтобы исполнить твои сокровенные желания. Тебе может показаться, что мы неправы, но в конце ты скажешь нам «спасибо», когда будешь выступать с лучшими музыкантами мира перед лучшей публикой мира.

– Хорошо, – прошептала Септима и ушла к себе.

Деревянные причины

Девочка в красном платье открыла дверь в свою комнату. Ее лицо ничего не выражало. Никаких эмоций, но внутри все кипело. Септима спокойно выдохнула, закрыла дверь, и по ее щекам потекли слезы. Она упала как подкошенная, прислонилась к двери и тихо заплакала. Ей было больно.

Джек молчал.

Бывают такие моменты, когда лучше не трогать человека. Это был такой момент.

В тот день внутри Септимы что-то надломилось. Страх закрался в ее сердце, и девочка больше не показывала свою музыку никому, кроме Джека. Она узнала, что мир может быть очень жестоким, что даже самые любимые и дорогие люди могут сделать тебе больно.

– Глупости, значит, – проговорила Септима и уткнулась в колени, тихо плача.

Только Джек никогда не делал девочке больно. У него были на то веские деревянные причины.

Творческий путь тернист, любому – даже самому талантливому музыканту – приходится проходить через бесконечный коридор критики. Кого-то это ломает, а кто-то продолжает путь несмотря ни на что. Но есть и те судьбы, которые поглотил страх. Они закрываются от окружающего мира и начинают писать только в стол.

Джек, а представь...

Прошла неделя. Септима вернулась к рутинным занятиям на фортепиано. Мисс Эмери стала чаще появляться в доме, где всегда играла музыка. Правда, кое-кто этому совсем был не рад.

– Септима, эту часть нужно играть плавно, легко и нежно. Повтори еще раз.

– Ладно, мисс Эмери.

Девочка сыграла несколько раз фрагмент из «Полонеза №1» Ференца Листа.

– Уже лучше, но этого недостаточно... – начала мисс Эмери.

Что интересно, Септима продолжала играть даже тогда, когда Виктория Эмери затягивала свои речи про успех и пути его достижения, но не из-за неуважения. Отнюдь, девочка была бы рада перестать играть хоть на секунду, но мисс Эмери велела ей не тратить время впустую.

– Ведь что главное? Идти шаг за шагом к успеху, преодолевая трудности, исполняя сложные произведения так, как их задумал автор. В дальнейшем ты, конечно, сможешь приносить свой фирменный почерк в композиции, но до этого еще далеко. Так что уясни, пока ты играешь так, как я говорю, пока ты выкладываешься и ни на что не отвлекаешься, тебя ждет успех, но стоит сделать шаг в сторону – и тебя ждет

горькое поражение, – продолжила мисс Эмери.

О боже, в этом доме живут одни фортепианные фанатики, вы бы еще пентаграммы из клавиш раскладывали на удачу, – подумала Септима и улыбнулась.

Прошло два часа, Виктория Эмери ушла. Септима вздохнула с облегчением.

Наконец-то, я думала, она никогда не уйдет, – девочка прекратила играть и пошла к себе в комнату.

Несмотря на спартанские условия тренировок, Септиму грела мысль, что она может тайно сочинять музыку, играть ее для Джека и выступать в легендарном Колизее Септимы. Если бы не это, девочка давно бы сдалась. У любого музыканта должна быть причина, чтобы двигаться вперед, преодолевая сложности.

– Привет, Джек, – Септима выглядела такой уставшей, что казалось, вот-вот рухнет и уснет.

Стук-стук, – скромно зашумел стол.

– Да, мисс «играй только по нотам» меня совсем загоняла.

Джек задумчиво постучал ящиком.

– Полонез Листа с пометками мисс Эмери. Джек, она ненормальная, она пишет в партитуре над фрагментами произведения какие чувства испытывал автор. Но хуже того, она требует, чтобы и я их показывала в своей игре. Такой бред, я просто с ног валюсь.

Стук-стук-стук.

– Я не знаю, Джек. Какая разница? Это не мое дело.

Стук-стук.

– Да помню я, что обещала. Вот не начинай, хорошо же общались. Все, я спать, с тебя название для новой песни, ночью подумай, а то у меня уже наклеывается мелодический образ, – Септима рухнула на кровать.

Стук-стук.

– Нет, Джек, мы не будем заказывать пиццу.

Стол тихонько скрипнул.

– Что значит ты уже заказал? – невнятно пробормотала девочка и погрузилась в сон.

* * *

Из глубин тьмы послышались знакомые голоса:

– Твоя песня никуда не годится.

– Ты ничего не добьешься с такой посредственной музыкой.

– Даже «4:33»¹⁷ Джона Кейджа лучше твоих творческих потуг.

Септима выслушивала оскорбления и не могла ничего сделать. Ее руки были связаны цепью. Возле нее стоял фонарь, оставивший от Мелоди-стрит небольшой круг света, где находилась девочка.

Голосов становилось все больше и больше, тьма надвигалась. Когда свет погас, Септима перестала слышать себя. Ее окутал страх. Голоса приближались. И чем ближе они бы-

¹⁷ «4:33» – эта композиция является записью тишины. Джон Кейдж исполнял ее с оркестром.

ли, тем больше становилось девочке. Она готова была закричать...

Стук-стук.

* * *

Стук-стук

– Что такое, Джек? Который час? – Септима открыла глаза и в полудреме взглянула на стол.

Стук-стук.

– Шесть утра? Зачем мне вставать в такую рань?!

Стол застучал ящиками.

Септима резко вскочила с кровати.

– Вот черт, чуть не забыла. Мисс Эмери меня бы пригвоздила к роялю. Спасибо, Джек. Я у тебя в долгу, мой деревянный северный друг.

Виктория Эмери имела много связей в академическом сообществе. Для нее не составляло труда получить специальное приглашение на концерт любого пианиста-виртуоза. Правда, нельзя сказать, что Септима любила такие поездки.

Вставать рано, лететь далеко, слушать одно и то же, за что мне это все? – думала девочка.

* * *

Септима и Виктория Эмери сидели в аэропорту в ожидании вылета.

– Мисс Эмери, а куда мы летим?

– Я разве не говорила? Хм... неужели запамятовала. Впрочем, неважно, в Лиссабоне проходит конкурс имени

Вианы да Мотта. Тебе будет полезно увидеть, как соревнуются взрослые.

– Это в Португалии?

– Да. Привыкай, лучшие пианисты мира постоянно путешествуют.

– Да я привыкла, но хотелось бы хоть что-то посмотреть в этих городах, – грустно сказала Септима.

– Послушай, ты сейчас в таком возрасте, когда нельзя тратить свое время впустую. Пока ты смотришь на Эйфелеву башню, твои конкуренты практикуются. В итоге, ты терпишь обидное поражение и удаляешься от своей мечты, – Виктория строго посмотрела на девочку и продолжила свою, как ей казалось, праведную речь. – Знаешь ли, играть с ведущими оркестрами мира хотят сотни тысяч детей, не позволяй им занять твое место, иначе останешься ни с чем.

Но это не мое место, мисс Эмери, – подумала Септима, но сказала: «Хорошо, я постараюсь».

Если бы кто-то спросил Септиму «Чем отличается Япония от Португалии?», то девочка едва ли смогла бы ответить.

* * *

Национальная лиссабонская консерватория была помпезна как и все, связанное с академической музыкой. Септима и мисс Эмери заняли места в большом концертном зале. В центре сценической площадки стоял красивый черный рояль. Конкурс должен был вот-вот начаться. Пятью минутами позже на сцену вышел японец лет тридцати. Септима он по-

казался странным.

Мужчина осторожно подошел к роялю, сел на банкетку и начал играть.

Глаза Септимы широко раскрылись, она стала внимательно слушать. Звучал «Полонез №1», тот самый, с которым девочка должна выступить на ближайшем конкурсе в Сендае.

Музыка разливалась по залу всеми красками. Это было странно и звучало необычно, нехарактерно для строгих академических мероприятий. В композиции гармонично слились творческое «Я» пианиста и автора – Ференца Листа.

Ого, как дерзко! Эй-эй, полегче, такую игру здесь не поощряют, – подумала девочка и продолжила замороженно слушать.

Когда рояль затих, Септима встала и заплодировала. Она выглядела глупо, потому что не выдержала строгую паузу и не попала в момент, когда можно начинать бить в ладоши, а когда нельзя. На нее все уставились, но девочке было все равно.

– Сядь немедленно, не позорь меня. Как ты могла вскочить с места. Септима, ты же знаешь, что в академической музыке все регламентировано. Финальный аккорд не успел затихнуть! Это неуважительно по отношению к музыканту и организаторам конкурса. Я уж не говорю, что это неприлично в высших слоях общества, – разразилась речью мисс Эмери.

– Простите, – смутилась Септима. – А кто это был?

– Это неважно, он все равно не участвует в конкурсе, просто открывал мероприятие.

– Но я должна знать, мисс Эмери.

Виктория вздохнула и с неохотой сказала:

– Нобуюки Цудзии – японский пианист, композитор, победитель конкурса пианистов имени Вана Клиберна.

– Понятно, но он как-то странно двигался по сцене.

– Потому что он слепой от рождения. Некоторые считают, и я в их числе, что этот аспект учитывается при оценке его игры.

– Но он классно выступил, так красочно и выразительно. Я никогда такого не слышала.

– Слишком много своего «Я», с таким исполнением никогда не выиграть конкурс.

– Я знаю, но он и не выигрывать приехал. Конкурсами не ограничивается мир пианиста.

– Без громких побед он никогда не станет лучшим.

Какая разница, если он выглядел счастливым. Кажется, ему просто нравится играть перед публикой, – подумала Септима и промолчала.

Затем началась основная программа конкурса. Но никто не впечатлил Септиму. Мисс Эмери указывала на тех пианистов, к которым девочке следовало присмотреться, но все они были настолько одинаковые, настолько безупречные, что Септима вообще не понимала, как можно их оценивать.

Если бы все они играли одно произведение, то никто бы

не победил, – подумала девочка.

– Обрати внимание, как...

Слова мисс Эмери расплылись в воздухе и потеряли вес. Септима было неинтересно. Она думала о том, как бы поскорее вернуться домой и рассказать Джеку про слепого пианиста.

– Ты поняла?

– Да, каждое слово, я буду стараться.

Это была универсальная фраза девочки, которую она произносила, чтобы от нее отстали. Но Септима не врала, она действительно старалась, так или иначе, но слушать одни и те же поучения у нее не хватало сил и желания, а от слова «мечта» у девочки сводило желудок.

Мероприятие закончилось. Зрители разошлись.

* * *

Наконец-то, родная Мелоди-стрит, как же я тебя люблю, – Септима вошла в дом, где всегда играла музыка, и побежала к Джеку.

– Джек, я такое видела, не поверишь!

Стук-стук.

– Нет, не улыбку мисс Эмери. Такое событие я бы отметила шампанским. Тут другое. На конкурсе выступал слепой пианист, ты прикинь. Он так классно сыграл тот «Полонез», который я уже ненавижу. Это было волшебно.

Стук-стук-стук.

– Да, так на конкурсах играть нельзя. У нас же все регла-

ментировано. Даже цвет рояля. Иногда я думаю, что академическая музыка придет к тому, что «Лунную сонату» нужно будет играть строго в полнолуние в промежутке между девятью вечера и полночью, – девочка закатила глаза.

Стук-стук.

– И не говори. Что там с названием для новой песни? Ты думал?

Стол слегка за скрипел.

– Кальмарская уния¹⁸? Что это вообще значит?

Джек серьезно застучал ящиками.

– Стоп-стоп-стоп, про это я песни писать не буду. Умерь свои шведские амбиции, мой дорогой друг. Нужно что-то другое, может быть связанное со мной, – Септима задумалась. – Посмотри вокруг, что ты видишь? Это не комната одиннадцатилетней девочки. У меня даже игрушек нет, кроме, пожалуй, мелодики, которая где-то под кроватью, но едва ли это игрушка – в привычном понимании.

Стук-стук.

– Сыграть на мелодике? Ха-ха-ха. Тебя так в шведской армии учили уходить от ответа? Да меня родители уроют, Джек. Я не уверена, что они вообще в курсе, что она у меня есть, – девочка полезла под кровать. – На месте, родная.

Септима отряхнула пыль с инструмента и сыграла несколько нот, легонько, так, чтобы дом, где всегда играла

¹⁸ Кальмарская уния – объединение королевств Дании, Норвегии и Швеции под верховной властью датских королей.

музыка, не стал домом ужаса и кошмара только потому, что кто-то играет на неправильном инструменте.

– Хах, не разучилась! Джек, а представь: я с мелодикой выйду на сцену перед высшим обществом и сыграю двадцатый концерт Моцарта. У них там пригорит в одном месте, что даже пожарные не спасут, – девочка улыбалась. – И я такая: «Дамы и господа, обратите внимание, это – мелодика», а они такие «Ах, да не может быть, она не посмеет! Полиция! Произвол на сцене!», а я им в ответ: «И я сейчас сыграю на ней Моцарта», и тут ползала попадает в обморок, «Да ведь как же так, Моцарта, да на мелодике играть, кощунство». Было бы смешно.

Джек весело застучал ящиками.

– Нет, потом мы не поедем захватывать Данию, – Септима вздохнула. – Джек, иногда нужно оставить прошлое позади и двигаться дальше.

– Септима, милая, я дома, на ужин будет соба с курицей, – послышался голос Лоры Хадсон.

– Да, мам, уже бегу, – крикнула девочка.

Стук-стук.

– Тоже хочешь собу¹⁹? Джек, будешь думать о моей соба, я на тебя термитов натравлю, – сказала Септима и засмеялась.

Джек так стучал, что это показалось каким-то изощренным шведским ругательством.

¹⁹ Соба – национальное японское блюдо в виде длинной коричнево-серой лапши из гречневой муки.

– Да ладно, расслабься, я тебя в обиду не дам. Ну, я пошла, соба сама себя не съест.

* * *

До конкурса пианистов в Сендае оставалось совсем ничего. Сендай – это японский город в префектуре Мияги, где живет около миллиона человек. Известность получил в 2001 году, как-раз когда в местном культурном центре начали проводить международный конкурс пианистов. Для Септими это был лучший вариант для возвращения на сцену. Виктория Эмери все четко продумала, далее в ее планах было отправить ученицу на конкурс Шопена и Баха.

Девочка в красном платье упорно занималась игрой на фортепиано, слушая нравоучения мисс Эмери. Она уже привыкла к такому режиму. Чем ближе конкурс, тем выше нагрузка. В такие дни Септима практически не общалась с родителями, у нее просто не было времени. Когда день подходил к концу, девочка с трудом доползала до кровати. Но Септима никогда не забывала перекинуться парой слов с Джеком. Он помогал ей держаться на ногах, когда давление становилось невыносимым. Хоть Септима и привыкла жить в стрессе, но в конце концов она была всего лишь маленькой одиннадцатилетней девочкой, любившей красные платья, а стол был светлым пятном в этой красивой трагедии. И пока он сиял где-то во тьме, девочка могла идти вперед.

– Джек, я замаялась, мне будет сниться этот чертов поло-

нез номер один. Ой, прости. Я хотела сказать jävla²⁰ полонез, – Септима засмеялась.

Джек молчал.

– Эй, ты чего такой задумчивый? – девочка смотрела в потолок, лежа на кровати. – Знаешь, иногда мне кажется, что академическая музыка меня ломает. Я чувствую себя роботом, играю все эти ноты, изображаю чужие чувства. Так противно. Но хуже всего, что мой успех, мои победы ни на что не влияют. Я хочу сказать, – девочка задумалась. – Понимаешь, все эти люди хлопают, потому что так принято, и я не уверена, что они искренни. Посмотри на моих маму с папой: да они даже не улыбаются, когда я побеждаю. Весь этот путь какой-то бессмысленный. И я не знаю, что делать, Джек, не знаю... – пробормотала девочка и погрузилась в сон.

* * *

В Сендае Септима должна была в очередной раз показать всем сидящим в зале, кто тут настоящий гений фортепиано. На конкурсе царил напряженная атмосфера, что типично для таких мероприятий. Септима собирала завистливые взгляды конкурентов. Проходя мимо детей и их родителей, девочка слышала, как они шептались, говоря мерзкие вещи, но, возможно, эти люди просто хотели быть услышанными. На войне все средства хороши. И будь здесь Джек, он бы выпалил что-то про датско-шведские отношения XVII века.

Дети смотрели друг на друга как на врагов, казалось, их

²⁰ Чертов (пер. с швед.).

настроили на ненависть и презрение ко всем, кто стоит у них на пути. Это было жутко, но девочка в красном платье улыбалась. Вдруг она увидела знакомые лица: слева от нее мелькнул Макс Уайлдер – канадец в строгом фраке, с прической «я только проснулся», а справа Алексей Лавочкин – хладнокровный русский в очках, с аккуратной короткой стрижкой. Они были как огонь и лед. Септима часто пересекалась с этими ребятами на конкурсах, но заметила их лишь в тот безулыбочный день в Глазго. Зато они считали Септиму одной из главных своих соперниц, и часто обсуждали ее, хоть и не были друзьями.

Дети не умеют по-настоящему ненавидеть, чего не скажешь про родителей, которые взаправду были врагами. Каждый каждому желал неудачи, хоть и не говорил об этом вслух. Конечно, не все были такими, но многие.

Септима улыбнулась Алексу и Максу, что взбесило их. Один это показал, а другой не подал виду. Девочка с Мелоди-стрит делала этот праздник лицемерия красочным. Кто-то однажды сказал: «Сначала улыбка, потом ложь. В конце – выстрелы»²¹. Лучше и не придумаешь, чтобы описать конкурс пианистов.

– Септима, милая, мы будем в зале, мисс Эмери тебе все объяснит, – сказала Лора Хадсон. – Эти конкурсы напоминают мне молодость, но я не была так талантлива как ты, зайка.

²¹ «Сначала улыбка, потом ложь. В конце – выстрелы» – эта фраза принадлежит Роланду Дискейну – герою цикла «Темная Башня» С. Кинга.

Выиграй за нас обеих.

– И за меня постарайся, – сказал папа. – Удачи, Септи.

Девочка помахала родителям рукой и проводила их взглядом.

– Когда я выступаю, мисс Эмери?

– Ты девятая, сразу после своих основных конкурентов.

– После Алекса и Макса? – спросила девочка. – Я видела их, пока мы шли.

– Есть еще кое-кто, – произнесла Виктория. – Пока ты была травмирована, на детской фортепианной сцене зажглась новая звездочка.

– Кто же это?

– Анна Краусс – очень талантливая девочка, у нее большой потенциал.

– Если вы так говорите, то мне стоит беспокоиться. Не помню, чтобы вы кого-то так хвалили, мисс Эмери.

– Только однажды, когда увидела, как... – девушка задумалась. – А впрочем, неважно.

В комнату ожидания вошла Анна Краусс. Она была в красивом белом платье а-силуэта, ее длинные волосы переливались золотом, а на голове сияла диадема. Настоящая принцесса.

– Привет, – вдруг сказала Септима.

– А ты кто? – ответила Анна.

– Меня зовут Септима Хадсон, – девочка улыбнулась.

– Что за тупое имя? – засмеялась Анна. – Ты та самая

неудачница, которая сломала пальцы перед конкурсом королевы Елизаветы? Ты настолько сильно боишься меня? Лучше беги отсюда, иначе я размажу тебя по сцене. Сегодня будет блистать только одна звезда, а про тебя и твои скромные достижения все забудут, – девочка прошла мимо.

– Мисс Эмери, можно я ей вломлю? – Септима кипела от злости, хоть и не любила конкурсы, но эта высокомерная девчонка ее задела.

– Вот поэтому тебя и ограничивали в общении с соперниками. Однако сейчас, после травмы, это должно тебя подстегнуть. В конце концов, стимулы со временем меняются. Я не знаю, какова причина, по которой ты играешь, но я знаю, что сегодня ты захочешь осадить Анну, ведь на кону твоя гордость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.